

Вырупаева А.П., кандидат исторических наук, Международный Институт Дизайна и Сервиса (Россия)

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРОТИВ «ВОЛШЕБСТВА»: БОРЬБА СО СКАЗКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Советская детская литература 1920-х гг. вызывает большой интерес различных исследователей. В поле зрения историков, как правило, попадает тема пропаганды в тех или иных её измерениях. Особо востребованным оказываются темы властной символики и подчинения, образы вождей, врагов и друзей, транслируемых пореволюционной детской литературой. В этой связи особый интерес для исследователя представляет сказка с её ярким миром образов. В 1920-е гг. в СССР развернулась острая дискуссия по вопросу о необходимости сказки для детского чтения. Возражения критиков вызывали сказочные образы и мотивы, которые, с их точки зрения, противоречили идеям построения нового советского общества. Сказка изобиловала такими враждебными советской идеологии компонентами, как волшебство, магия, сентиментальность, представители высшего света. В числе нападавших оказалась Надежда Крупская, в числе держащих оборону – Корней Чуковский. Предложенная статья анализирует такие стороны дискуссии, как соотношение идеологических требований большевистской власти, с одной стороны, и классических сказочных персонажей и сюжетов, с другой. Значительная часть волшебных героев и сюжетов пришла в противоречие с такими идеологическими советскими максимумами, как эгалитаризм и материализм. В число неугодных записали целый ряд привычных персонажей, среди которых оказались Иван-Царевич, «тёмные силы» и некоторые животные.

Ключевые слова: детская литература, сказка, идеология, пионер, октябрятя, реализм, Корней Чуковский, Надежда Крупская, «Мурзилка», Баба-Яга, серый волк.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-47-54

Введение

Многие зрители помнят знаменитую фразу кота Матроскина:

«Неправильно ты, дядя Фёдор, бутерброд ешь. Ты его колбасой сверху держишь, а надо колбасой на язык класть – так вкуснее получится...».

Но значительно меньше знают, что подобный сюжет возник в отечественном культурном пространстве, как минимум, ещё один раз задолго до появления замечательного советского мультфильма.

Владимир Гиляровский – известный репортёр и писатель – в 1927 г. в своей книге воспоминаний «Мои скитания» изобразил в чём-то схожий эпизод, когда он – молодой житель царской России – получил от «пропойцы-зимогора» в одном из деревенских кабаков следующий урок:

«Это называется бутерброд, стало быть, хлеб внизу, а печёнка сверху. Язык – орган вкуса. Так ты вот до сей поры зря жрал, а я тебя выучу, век благодарен будешь и других уму-разуму научишь. Вот как: возьми да переверни, клади бутерброд не хлебом на язык, а печёнокой» [9. С.107-108].

Кочевание сюжетов и приемов в народной и авторской литературе – дело известное и естественное. В этом отношении советская детская литература 1920-х гг., когда собственно происходило её становление, не являлась исключением. Однако большевистская власть, взявшаяся за создание «нового человека», выбрала в это время курс на борьбу со многими «старыми» и «сомнительными» элементами в детской поэзии и прозе. В 1920-е гг.

объектом усиленной критики оказалась сказка – жанр фольклорного и авторского творчества, особенность которого – в установке на чудесный вымысел. Атака на сказку была вполне понятна: данный жанр изобиловал враждебными советской идеологии элементами, начиная от волшебства и логики абсурда и заканчивая царевичами.

Объекты и методы исследования

Объектом изучения данной статьи выступает литературно-художественное творчество советских авторов, создававших свои тексты для детской аудитории в разгар спора о надобности сказки во второй половине 1920-х гг.

В качестве основного метода анализа применяется метод истории понятий (прежде всего речь идёт о подходе, представленном англосаксонской школой «History of Concepts»), которая рассматривает текст как практическое действие. В рамках такого подхода текст можно воспринимать не только как средство коммуникации, но и целенаправленное действие, цель которого – формировать «новую реальность» (например, приемлемые нормы поведения) и побуждать адресата к действию.

Результаты

Начало процессу борьбы со сказкой было положено в 1918 г., когда лидеры Пролеткульта¹ выступили против включения фольклорных сказок в список чтения для детей: сказки-де прославляют царей, «поддерживают буржуазные идеалы», «развивают болезненное воображение» [Цит. по: 4. С.7], подготавливают к религии. Затем последовало

© Вырупаева А.П.

© Урупаева А.Р.

¹ Пролеткульт (Пролетарские культурно-просветительские организации) – массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности при Народном комиссариате просвещения, существовавшая с 1917 по 1932 гг.

несколько сочинений на тему о необходимости создания «своей» – пролетарской – сказки. Наконец, в 1924 г. появились «Требования к изданию детской литературы» [24], строго разграничившие «старое» и «новое». Согласно данным требованиям, опубликованным в «Бюллетене Главлита», советским детским авторам необходимо было отказаться от «нездоровой фантастики», «мистики», «чудесных выходов из затруднительного положения», «реставрации монархизма» в лице «добрых королей и... царевен», «либерально-демократической общечеловечности» и многого другого [24]. Взамен должны были появиться «здоровый научный подход к изучению мира», «борющиеся пролетариат и крестьянство», «максимум внимания трудовым процессам» [24]. Таким образом, материализм и классовое сознание заступали на место волшебства и классовых врагов.

Брошенный властью клич, усиленный репрессивными мерами, получил отклик в виде массового издания произведений о труде в духе реализма.

Во второй половине 1920-х гг. в СССР появилась целая серия книг, название которых начиналось со слова «как»: «Как рубанок сделал рубанок», «Как рубашка в поле выросла», «Как Сенька Ёжик сделал ножик», «Как свёкла стала сахаром» и т.д. Само название – деятельное по смыслу и построению фразы – уже говорило о трудовой и реалистической подоплёке предложенной литературы. В целом же детские книги о труде носили более лаконичные названия: «Хлопок», «Бумага», «Чашка чая» и т.д. В данных произведениях присутствовал подробный и занимательный рассказ о производстве и соответствующей социальной среде. На рубеже 1920-30-х гг. производственная тематика дополнилась книгами про колхозы и пятилетку. Детская литература окончательно вышла за пределы ограниченного мира комнаты [3].

Однако борьба за новые идеалы была связана не только с созданием литературы о труде, но и с развенчанием старых «идолов», особенно в изобилии населявших детские сказки.

В 1925 г. вышла книга «Октябрёнок-пострелёнок» [1], главный герой которой презрительно «фыркал» на всех традиционных сказочных персонажей.

В этой книге сначала Пострелёнок встречает Ивана-Царевича, который – что символично – выскакивает из витрины книжного магазина и просит о помощи:

Много лет меня подряд
В сказках разные враги
В заточении томят [1].

Герой реагирует классово верно, отказывая в помощи символу многолетней единоличной власти – «попил кровушки и будет» [1].

Отметим, что борясь с царевичами и принцессами, советские авторы 1920-х годов всегда делали упор на их эксплуататорскую сущность и

эгоизм: «Он не думал, что есть бедняки в его царстве. Яблоков золотых никому не дал. Скатерть-самобранку никому не развернул. Всё только себе да себе» [16.С.11].

Далее на пути Октябрёнка-Пострелёнка встретился другой символ прошлого, окутанный ореолом суеверия и мистики – Баба-Яга костяная нога. Старая леди традиционно сделала гастрономический ход, предложив прыгнуть ей в рот – «прыгай, лапушка» и в качестве весомого аргумента добавила, что она – «чёрту бабушка» [1]. Но советскую молодёжь не смутить: «Чёрта – нет. Ты брось обман, это всё один дурман», – парировал Пострелёнок [1]. Здесь автор следовал официальному дискурсу, неизменно характеризовавшему всё потустороннее наркотическими категориями как «религиозный и иной гашиш» [24].

Последней на пути октябрёнку встретилась фея. Спустившаяся с неба волшебница объявила, что у неё есть подарки: ковёр-самолёт, конёк-горбунок и скатерть-самобранка. Герой возмутился: ему ли – жителю страны прогресса – предлагать такую ветошь? Гордо он заявляет, что «ваш ковёр-самолёт перешибёт наш „Добролет“» [1], скатерть-самобранку – ассортимент «Нарпита», а услуги конька-горбунка – электрифицированный трамвай. Юный ленинец уверен – «гражданка-фея» не годится нынче для передовой Москвы: фея и её подарки превращаются в символ отсталых благ.

Как видно данное произведение полностью соответствовало «Требованиям к детской литературе»: проводило идею борьбы с «царизмом» и «мистикой», беря курс на «волю к переустройству». В произведении юному читателю давалась чёткая установка на широкие возможности советского трудового человека, который строит, покоряет пространства и живёт в довольствии без чужой чудесной помощи – только благодаря собственным усилиям. Место пассивного ожидания волшебства занимали идеалы самостоятельной и продуктивной деятельности.

Символично, что сами советские достижения при этом часто подавались как настоящее чудо, по крайней мере, в отношении сроков их реализации и ожидания грандиозного результата.

Ольга Берггольц, вспоминая о строительстве первой советской электростанции – Волховстроя – писала об этом как о «легендарной были» [5. С.12,16]. Воспроизводя в своих воспоминаниях разговор, услышанный ею в 8-летнем возрасте в поездке, она передала это в настроении собеседников:

«... сила от этого света будет, от электричества, страшная сила. Этой силе всё подвластно: ею и железо можно точить, и машины двигать, и пахать... да не так, как мы сейчас сохой ковыряем, а тыщи вёрст зараз поднимать» [5. С.13].

Электричество в данном случае воспринималось, как нечто чудесное и всемогущее, способное

разрешить все трудности в одно мгновение: «зараз».

Особенно громко мотив чудесного свершения зазвучит в советской литературе в отношении быстро растущих объектов сталинских пятилеток. «За пять лет мы догоним и перегоним вас», – говорили советские рабочие в одном из детских рассказов 1931 г., обращаясь к жителям промышленно развитой Европы [26. С.56]. Откуда росли корни этой наивной веры, что за столь короткий срок – всего пять лет – можно совершить промышленный рывок? Не сказывалось ли здесь возможное влияние сказок, в которых ковёр-самолёт моментально доставлял героев в пункт назначения, а скатерть-самобранка радовала изобилием, возникавшим буквально на пустом месте?

Максим Горький в своём очерке 1929 года «По Союзу Советов», описывая достижения «свободного, коллективного труда» [10.С.121] в СССР, не мог отделаться от параллелей со сказкой. При этом он подчёркивал, что речь идёт про «действительные» рукотворные чудеса, среди которых писатель называл радио и самолёт. По Горькому, не «неведомая сила», а «тяжёлая трудовая рука» творила все эти чудеса:

«Уже скучно слушать о „ковре-самолёте“, когда в небе гудит аэроплан, и „сапоги-скороходы“ не могут удивить... - дети знают, видят, что вся фантастика сказок воплощена отцами в действительность и что отцы совершенно серьёзно готовятся лететь на луну» [10.С.133].

Горький считал, что фигуры сказочных богатырей и их подвиги легко можно заменить рассказами «о героических битвах Красной Армии» и о «подвигах партизан, в которых чудесного не меньше, чем в любой страшной сказке» [10. С.133].

В 1925 г. в СССР появится ещё один печальный борец со всем сказочным: сборник «Октябрюта» [2], в котором поведётся борьба с традиционными детскими страхами. Первой на очереди окажется Баба-Яга.

В одной из пьес сборника произойдёт сценическое разоблачение старой ведьмы: девочка, исполняющая роль Яги, заявит зрителям со сцены, что её внешний вид – сплошная бутафория: ей «прилепили» кривой нос, «из ваты – клоки седых волос» [2. С.9]. И в качестве резюме:

Теперь малютка-октябрёнок
И самый крошечный ребёнок,
Когда ещё кричит агу,
Не верит в бабушку Ягу [2. С.9].

Подобное разоблачение нечистой силы на театральном подмостке произойдёт ещё в одной советской пьесе нарочито озаглавленной «Эй, сказка, на пионерский суд» (1925). В ней пионеры будут

судить популярных сказочных персонажей – от Ивана-царевича до чертей. У последних на сцене оторвутся хвосты, а затем «отклеятся» рога и копыта. «Жулики, а не черти!», – заявит материалистически настроенный советский юный зритель [16.С.14].

В стихотворении про мальчика Кима упомянутого сборника будет развенчан ещё один распространённый детский страх. Бабушка носитель «старого» порядка – напугает главного персонажа букой, поедающего неспящих детей. После бабушкиных наставлений её внуку ожидаемо приснится бука:

«Кочерга, ухват у буки, – это, видите ли, руки, и подумайте, кто бы мог! – самовар вместо ног» [2. С.18].

Но в отличие от персонажа Корнея Чуковского, встретившего оживший умывальник, герой не станет спасаться бегством, а расправится с сюрреалистическим видением, заявив, что это – всего лишь мебель:

Этот ужаса образчик –
Просто низкий плоский ящик
Дело дедушкиных рук,
Стыдно тем, кто верит в бук [2. С.18].

Кстати, согласно данным опросов, проведенных среди людей, детство которых пришлось на 1920-30-е гг., в качестве главной «страшилки», которую использовали взрослые, чтобы приструнить непослушных детей довольно часто выступал представитель потустороннего мира. Так, в воспоминаниях одного респондента из Челябинска, рождённого в 1924 г., в детстве его чаще всего пугали чёртом [15].

Не случайно, в рассказе «Ванькины страхи» (1927) главному герою, деревенскому мальчику Ваньке повсюду чудятся бабушкины «страшилища»: домовые, ведьмы, черти [6.С.22]. Именно из-за страха перед ними герой попадает в комичное положение, испугавшись дома пыхтящего в темноте теста. В отличие от Ваньки пионеры ничего не боятся и даже во время ночного выпаса лошадей не дрожат от страха под тулупом, а «смеются, шутят, песни поют» [6.С.22]. Борясь с суеверием, рассказ параллельно агитирует за принадлежность к «правильному» коллективу. Авторитет бабушки и в целом семьи вытесняется авторитетом советской власти и её организаций: ведь не бабушка, а пионерский отряд выступает носителем «истинного» знания.¹

Столкновение семейного и партийного авторитетов очевидно в одном из эпизодов уже упомянутых воспоминаний Ольги Берггольц, когда будучи 13-летней девочкой она решила досрочно вступить в комсомол. Её бабушка и мама были

¹ Любопытный анализ в отношении проблемы «власть - подчинение - участие» на примере использования слов «вожатый» и «вожак» представлен в статье А.В. Кравченко «Вожатый в пионерских журналах 1920-1930-х годов: идеологический концепт и художественная репрезентация» // Шаги-Steps. 2015. Т. 1. № 1.

против такого решения: «бабушка против из-за Бога, а мама – из-за мальчишек» [5.С.64]. Позже подобное противостояние приобретёт в стране Советов более радикальные и трагичные формы.¹ В отношении же Ольги Берггольц оно сведётся к юношеской критике домашних за их «мещанскую сущность» [5.С.54].

В целом 1920-е гг. стали временем борьбы с семьёй как таковой. В 1930-е гг. институт семьи уже не ставился под вопрос, но авторитет домашних ещё более активно заменялся авторитетом партии и её дочерних структур. Вспоминая в 1930-е годы свою работу над первой детской книгой, напечатанной в 1920-е, писатель Ольга Перовская отмечала:

«Семья, отец, мать тогда (в 1920-е гг.) считались анахронизмом. Мне порядочно пришлось повоевать для того, чтобы сохранить в книге её автобиографичность.... В то время спрос на книгу без „папы и мамы“ был настолько велик, что не приходилось особенно налегать на бытовые и индивидуальные особенности членов моего семейного коллектива» [22.С.26].

Несмотря на признание семьи в 1930-е гг., переход её авторитетов на второй план, без сомнения, произошёл именно в 1920-е, что позднее позволило пропагандистам начать настоящую и порой смертельную атаку «маленьких» на взрослых. Интересно, что в своих воспоминаниях Ольга Перовская характеризует семью идеологически верным словом: «коллектив».

Развернувшаяся в середине 1920-х гг. борьба за юного читателя, привела к назойливому подчёркиванию в детских изданиях правдивости всего представленного материала. В различных рассказах детского журнала для младшего возраста «Мурзилка» постоянно упоминалось, что в журнале речь идёт только о том, что мы «на самом деле видели» [7.С.15], «что взаправду было», «потому что нет на свете ни ведьм никаких, ни колдунов» [14. С.18], всё это вымысел и верить в него – «просто срам» [16. С.37].

Ещё одним объектом идеологической проработки в это время стали такие традиционные персонажи сказок как животные. В тех же «Требованиях к детской литературе» осуждался привычный художественный приём «деление животных по качествам» и далее добавлялось: «нередко

не соответствующий научным данным». Отчасти именно за это досталось знаменитому «Крокодилу» Корнея Чуковского. Как указывала Надежда Крупская, написавшая в 1928 г. разгромную статью на произведение известного литератора, дети не получают из его «Крокодила» «положительных (т.е. полезных) знаний» о животных [17]. Иными словами, советские писатели должны рассказывать про истинные качества и реальную жизнь представителей животного мира, а не живописать «какую-то муть» [17], на подобие того, как крокодил с папиросой ходил и по-туречки говорил.²

Отметим, что, несмотря на подобную точку зрения, советские авторы порой продуктивно использовали сказочные подходы, разделяя животных-героев на «плохих» и «хороших»: собаки причислялись к любителям правды, кошки – к обманщикам, а образ главных злодеев канонично доставался волкам.³

Во втором выпуске журнала «Воробей» (1923) один из авторов изобретательно рассказал детям про формационное историческое развитие, опираясь на традиционный приём человекоподобных зверей.

В этом рассказе в картинках сначала изображалась совместная охота всех волков с каменными топорами в руках-лапах; затем – захват лучших кусков самым сильным волком, рост его богатств за счёт слабых и дружба с «другими такими же силачами»:

«Они построили себе крепкие замки из камня, обнесли их стенами, а в подвалы склады-вали награбленную добычу» [11. С.28].

Венчал этот процесс выбор сильнейшего волка царём. Затем подобным же образом описывалась капиталистическая формация, где волки-фабриканты получали «большие барыши», а бедные – гроши [11. С.31]. «Наконец, им (беднякам) стало невтерпёж» [11. С.31], и произошла революция, после которой все «сбросили с себя волчьи шкуры, злые зубы, острые когти и сделались людьми» [11. С.32]. В этом советском комиксе писатель и художник по распространённой в сказках традиции сделали акцент на негативных качествах волков, изобразив их, как беспощадных конкурирующих друг с другом хищников. К тому же в повествовании отразилось традиционное противостояние человеческого и животного:

¹Разрыв между государством и семьёй станет травмирующим опытом для многих юных жителей СССР на протяжении всего его существования. Об этом, например, фильм «Пионеры-герои», вышедший на российские экраны в 2015 г. Его сценарист и режиссёр Наталья Кудряшова, используя личный опыт, убедительно презентовала противоречия семейных реалий официальной идеологии в позднем СССР. Расхождение семейного опыта с государственными требованиями привело к трагическим последствиям для одной из героинь фильма, когда она уже была взрослой успешной женщиной, живущей в современной России, но тянущей за собой неподъёмный груз «правильной» идеологии и «неправильных» родственников.

²Более подробно про анализ статьи Н.К.Крупской «О „Крокодиле“ Чуковского» см.: Маслинская С.Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н.Крупской) // Историко-педагогический журнал, №1, 2017.

³Любопытно, что появившаяся в 1925 г. детская пьеса про «монахов, кулаков, знахарей и попов» была озаглавлена словами «Волчья стая» (Яльцев В. Волчья стая).

«звериному пристрастию к своей норе, своему логовищу, семье» [10.С.147] противостояла человеческая солидарность и взаимопомощь.

В 1925 г. в уже упомянутом сборнике «Октябрята» в одной из пьес автор также обратился к привычному для сказки образу злого волка. Хвостатый житель леса, следуя новой идеологии, превратился в классового врага:

Этот страшный чёрный фронт –
Здесь чащи фабрикант,
Он не любит честный труд,
В его лапах дети мрут [2.С.34].

В этом отрывке красноречиво переплетались старые и новые поверья: раньше «серый волчок» мог схватить детей «за бочок» и унести «в лесок», теперь – он, как фабрикант, – морит их тяжёлой работой. Поэтому, когда серый житель леса просит детей его отпустить, обещая измениться, юные герои беспощадны:

Долой! Не верим словам!
Мы верим делам!
Смерть волкам! Смерть волкам! [2. С.34]

Моля о пощаде, волк, соглашаясь с христианской традицией, просит отпустить его «душу на покаяние». В негативной реакции детей на его просьбу просматривается ещё один классовый завет: «отказ от либерально-демократической общечеловечности».

Кстати, именно «либерально-демократическая общечеловечность» среди прочего возмутила автора статьи «Литературной газеты» [8], давшей в 1929 г. новый виток борьбе с «чуковщиной». ¹ Автора упомянутой статьи не устраивали не только произведения Корнея Чуковского, но и целого ряда других писателей среди которых оказался Дмитрий Мамин-Сибиряк. В качестве примера возник его рассказ «Постойко» про собачий приёмник. «Нас всех привезут в собачий приют и там повесят», – так объяснил пребывание в приёмнике один из псов [18. С.379]. Рассказ создавал удручающую атмосферу жизни обречённых собак. Мамин-Сибиряк осуждался советской газетой за проявленную в своём произведении «травоядно сюсюкающую мораль жалости к „бедным животным“» [8]. Мотив борьбы, а не «ложная сентиментальность» должны были формировать юных строителей коммунизма.

Подобный напор на «животный мир» с требованием показывать только его реалистическую сторону, не делить животных на «плохих» и «хороших», минимизировать приём антропоморфизма, ² исключить «излишнюю» сентиментальность не мог не сказаться на детской литературе

второй половины 1920-х гг. Скорее всего поэтому, в эти годы в детских стихах и рассказах не так много говорящих героев-зверей.

Параллельно в это время расцветает реалистическая проза о животных, созданная, в том числе, такими профессиональными биологами, как Виталий Бианки и Ольга Перовская. Любопытно, что в первой книге Ольги Перовской «Зверята и ребята» (1925) одна из глав была посвящена волкам. В произведении не только рассказывалась реальная история приручения волков, но со всей очевидностью демонстрировались позитивные качества этих животных со «страшной пастью» [23]: дружелюбность и преданность человеку. ³

«Здоровый научный подход» отразился в отношении к волкам в упомянутой пьесе «Эй, сказка, на пионерский суд». Пионеры, устроившие суд над Иваном-Царевичем, решили отправить его главного помощника – серого волка – в зоопарк. Как отметил председатель суда: «... волка сдадим в зоологический! Я там много его товарищей видал» [16.С.11]. Из волшебного существа серый помощник Ивана-Царевича превратился в рядового представителя животного мира, в одного из тех, кого легко обнаружить в любом городском зверинце. Волшебство померкло, опустившись до уровня обыденной реальности.

В целом требования идейного порядка в середине 1920-х гг. привели к разжалованию многих сказочных персонажей, особенно относящихся к фольклору. Многие из них – от сверхъестественных существ до серого волка – не выдерживали тест на пригодность, приходя в противоречие с проектом построения эгалитарного и рационального общества.

Однако полностью отказаться от сказки не представлялось возможным: как отмечалось в другой статье уже упомянутого номера «Литературной газеты» – дети мыслят образами! [12]. Поэтому советские литераторы, так или иначе, прибегали, к элементам фантастики, зоо- и антропоморфизма:

«Экскаватор – это механизм, который черпает землю... Посмотрим на портрет черпака: у него симпатичное лицо» [27. С.16-17].

Особенно часто ртами, хвостами, зубами, лапами и тому подобными атрибутами обладали в советских рассказах те или иные машины.

При этом не все сказки работали против большевистского мировоззрения: некоторые из них напрямую отвечали требованиям коммунистической идеологии. К таковым можно отнести

¹ Об определении «чуковщина» филолог Светлана Маслинская в своей статье «Неутомимый борец со сказкой» пишет, что советский партийный деятель, жена Я.М. Свердлова Клавдия Свердлова «вдохнула вторую жизнь в этот ярлык, понимая под ним „идеологию вырождающегося мещанства, культ отмирающей семьи и мещанского детства“».

² Широкая дискуссия о допустимости приёма антропоморфизма в детской книге развернётся в СССР в 1928 г.

³ В своей книге «Ребята и зверята» в главе «Дианка и Томчик» Ольга Перовская создала обаятельный образ волков, осторожно применяя принцип антропоморфизма. Её следующая книга, опубликованная в 1927 г., уже целиком была посвящена волкам и называлась «Мои волчата».

сюжет самой известной русской народной сказки «Репка», где все участники действия последовательно включались в дружную совместную работу.

В 1927 г. в одном из номеров «Мурзилки» вышло стихотворение «Катина кашка». В ней последовательно кашу пытаются доесть сначала Катя, а затем – все герои-животные из «Репки»:

Катя – непоседа
Ей не до обеда!
Кашу ела, не доела,
Кончить Шарик у вела [13. С.8].

Шарик поручает это гастрономическое занятие кошке, а кошка – мышке. В отличие от традиционного варианта сказки герои стихотворения так и не справляются с задачей и призывают на помощь юного читателя.

Ещё один пример. На протяжении всего 1925 г. в «Мурзилке» публиковалась история о приключениях собаки Мурзилки. В июльском номере журнала забавный и непоседливый пёс оказался провалившимся в яму. Пришедшие на помощь ребята воспользовались уроком народной сказки: спрыгнули в яму, внизу у стены которой встал «Мишка, на Мишку – Гришка, на Гришку – Ванька, на Ваньку – Ганька, на Ганьку – Федька, на Федьку – Петька» [25. С.21]. Передавая друг другу пса, дети вытащили его из ямы.

В следующем августовском номере журнала приём «Репки» повторился с невероятной точностью, оригинально подогнанной под советские реалии.

В рассказе «Грузовик» грузовой автомобиль застревает в канаве: «стоит, пыхтит, а вылезти не может» [20. С.15]. Шофёр привязывает к застрявшей машине верёвку, но его потуги оказываются бесплодными. Мимо проходит милиционер, который присоединяется к процессу: «Милиционер за верёвку, шофёр за верёвку. Тянут-потянут, а вытянуть не могут» [20. С.15]. Затем к ним подключается рабочий – бесполезно, ломовой – а «воз и ныне там», пионер – без изменений. В итоге подбегает «Ванюшка-октябрёнок» и совместными усилиями герои добиваются желаемого:

«Ванюшка за верёвку, пионер за верёвку, ломовой за верёвку, рабочий за верёвку, милиционер за верёвку, шофёр за верёвку. Все тянут-потянут и... вытянули грузовик на дорогу» [20. С.16].

Идея коллективных усилий и такого же успеха, заложенная в народной сказке, как нельзя лучше подходила советской идеологии, воспевающей коллективизм и солидарность. При этом

если в традиционном варианте за работу брались члены одной семьи и их домашние животные, то в советском – семьёй становилась целая страна.

Советской идеологии также подходили герои из народа. Поэтому в уже упомянутой пьесе «Эй, сказка, на пионерский суд» единственный персонаж, которого помиловали дети, разрешив ему и дальше обитать в книжках, был Иван-Дурак. Однако теперь выходя из народа предстояло не яблоки для царей «таскать» и жар-птицу с царь-девицей добывать, а вести классовую борьбу. Именно этим собрался заняться Иван-Дурак, согласно его собственному признанию: «всю землю облетаю от края до края и всех царей с тронов покувыркаю...» [16.С.23].

Выводы

Дискуссия о необходимости сказки для детского чтения способствовала появлению произведений, презентующих идеального ленинца. В книгах, изданных в 1925 г. и открыто направленных против сказки, слово «октябрёнок» или «пионер» присутствовало прямо в заглавии.¹ Название указывало не только адресат, к которому обращалась книга, но и на то, каким должен быть читатель, следуя её содержанию. Обязательными атрибутами для юного строителя коммунизма оказывались классовое сознание, приверженность к коллективу, трудолюбие, атеизм и обладание научным знанием о мире. Индивидуализм, пассивность, леность и суеверие должны были кануть в лету, как «бесы и принцессы» из сказочных историй дореволюционной России.

Как видно, детские тексты напрямую прописывали приемлемые для юного жителя страны Советов параметры поведения и мышления. Однако сказка, которая содержала столько чуждых для нового режима элементов, так и не смогла превратиться в отживший жанр для советской детской литературы. Несмотря на серьёзные усилия ритуализированного советского языка (где не было нейтральных понятий, но только деление на «хорошее» и «плохое»), понятие сказки и всё связанное с ней не превратилась в нечто глупейшее и «пошлейшее». Данный жанр литературы одержал победу над своими противниками, оставшись, используя манихейский словарь советского языка, в стане чего-то доброго и светлого, неизменно населяющего детство каждого ребёнка.² По-другому, видимо, и быть не могло: ведь сама большевистская пропаганда несла в массы идею о том, что советская власть творит настоящее рукотворное чудо.

¹ Агнiewicz Н.Я. «Октябрёнок-пострелёнок» (1925); Алякринский П.А. «Октябрятка: книжка для чтения» (1925); Кожевников А.В. «Эй, сказка, на пионерский суд!» (1925).

² Начавший в середине 1920х гг. спор о необходимости сказки, достиг своего пика на рубеже 1920-30-х гг. В данной дискуссии участвовали политики, педагоги, литераторы. Особенно большой резонанс вызвала статья, опубликованная в 1928 году за авторством педагога Э. Яновской, «Нужна ли сказка пролетарскому ребёнку?». Точку в споре поставили официальные структуры: в Постановлении ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1933 г. «Об издательстве детской литературы» сказка была причислена к жанрам, необходимым советской литературе для детей.

Список литературы

1. Агнивцев Н.Я. Октябрьёнок-пострелёнок. М., 1925.
2. Алякринский П.А. Октябрюта: книжка для детей. М., 1925.
3. Арзамасцева И.Н. Детская литература в первые десятилетия советского периода. URL: <https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletija-sovetskogo-perioda> (дата обращения: 8.09.2022).
4. Балина М.Р. Пролетарская сказка в детской литературе Веймарской республики: к вопросу о жанровой специфике // Детские чтения: альманах / Под ред. М. Литовская и др. Екатеринбург, 2017. – № 2. – С. 6-19.
5. Берггольц О. Дневные звёзды. / Дневные звёзды; Говорит Ленинград; Статьи. Л., 1985.
6. Ванькины страхи // Мурзилка. –1927. –№4. –С.22-23.
7. Васькина затея // Мурзилка. –1925. –№4. –С.8-9.
8. Воспитатели мещанства // Литературная газета. – 1929. –19 авг.
9. Гиляровский В.А. Мои скитания. / Соч. в 4-х томах. Т.1. М., 1989.
10. Горький М. По Союзу Советов. / Союз нерушимый: Именем революции. М., 1982.
11. Ермолаева В. История о зверях, которые стали людьми // Воробей. – 1923. – №2. – С. 26-33.
12. Желобовский И. Напишите про социализм // Литературная газета. – 1929. – 19 авг.
13. Зилов Л. Катина кашка // Мурзилка. –1927. – №4. – С.8-9.
14. И мы – в Китае // Мурзилка. –1925. –№7. – С.18-19.
15. Интервью с В.Г.И. (97 лет, житель Челябинска). Челябинск, сентябрь 2021 г., длительность 40 мин., аудиозапись в архиве автора.
16. Кожевников А.В. Эй, сказка, на пионерский суд. М., Л., 1925.
17. Крупская Н.К. О «Крокодиле» Чуковского // Правда. –1928. –1 фев.
18. Мамин-Сибиряк Д.Н. Постойко. / Избран. произв. в 2-х томах. Т.2. М., 1988.
19. Маслинская С.Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н.Крупской) // Историко-педагогический журнал. – 2017. –№1. – С.172-185.
20. Минлос Н. Грузовик // Мурзилка. –1925. –№8. – С.15-16.
21. Октябрьская О.С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920-50-х годов. М., 2016.
22. Перовская О.В. Как и для чего я писала книгу «Ребята и зверята» // Детская литература. – 1935. – №10. – С.23-26.
23. Перовская О.В. Ребята и зверята. URL: https://mir-knig.com/read_176335-1 (дата обращения: 15.09.2022).
24. Постановление президиума Коллегии НКП «Заявление Главлита по поводу встречающихся противоречий в оценке детской литературы со стороны комиссии по книге при Главсоцвосе и деткомиссии при ГУСе, в частности в отношении сказок «Курочка Ряба» и «Белочка». 1927, 22 фев. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kollegii-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechajushhihsja-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom/> (дата обращения 10.09.2022)
25. Федэ А. Мурзилкины похождения // Мурзилка. –1925. –№7. – С.20-21.
26. Хазин Е. Нефть. М., 1931.
27. Шкловский В. Турксиб. М., 1930.

**SOVIET IDEOLOGY AGAINST «MAGIC»: THE STRUGGLE WITH THE FAIRY TALE
IN THE SECOND HALF OF THE 1920S**

Many contemporary researchers are interested in the Soviet children's literature of the 1920s. As a rule, the topic of one or another field of propaganda attracts the historians' attention. The symbols of power and subordination, images of leaders, enemies and friends, portrayed in the post-revolutionary children's literature, turn out to be especially in demand. In this regard, fairy tales with traditionally brighter features are of particular interest for research. In the 1920s in the USSR, a fierce dispute began on the necessity of fairy tales for children's reading. The objections of critics, among other things, were caused by folklore characters and themes, which, from their point of view, contradicted the ideas of building a new Soviet society. The fairy tale abounded with such components hostile to the Soviet ideology as magic, transcendence, sentimentality, figures of high society. Nadezhda Krupskaya led the attackers, Korney Chukovsky was among those in defense. The presented article analyzes the correlation between the ideological demands of the Bolshevik government, on the one hand, and nature of classical fairy tale characters and plots, on the other. A significant part of fairy tale characters and themes related to magic came into conflict with such ideological characteristics of the Soviet government as egalitarianism and materialism. A number of familiar fairy-tale characters were deemed as objectionable, among which were Ivan Tsarevich, bearers of the "dark forces" and some animals.

Keywords: children's literature, fairy tale, ideology, pioneer, octobrists, realism, Korney Chukovsky, Nadezhda Krupskaya, "Murzilka", Baba Yaga, bad wolf.

References

1. Agnivitsev N.Ya. (1925) Oktyabrenok-postrelenok. [Octoberenok-a little boy]. M., 1925.
2. Alyakrinskii P.A. (1925) Oktyabryata: knizhka dlya detei. [Octobrists: a book for children]. M., 1925.
3. Arzamastseva I.N. Detskaya literatura v pervye desyatiletiya sovetskogo perioda. [Children's literature in the first decades of the Soviet period]. URL: <https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletiya-sovetskogo-perioda> (accessed: 8.09.2022).
4. Balina M.R. (2017) Proletarskaya skazka v detskoj literature Veimarskoi respubliki: k voprosu o zhanrovoi spetsifike [The Proletarian Fairy Tale in the Children's Literature of the Weimar Republic: on the issue of Genre specifics] // *Detskie chteniya: al'manakh*. 2017. № 2. S. 6-19.
5. Berggol'ts O. (1985) Dnevnye zvezdy. [Daytime stars] // *Dnevnye zvezdy; Govorit Leningrad; Stat'i*. Leningrad, 1985.
6. Ermolaeva V. (1923) Istoriya o zveryakh, kotorye stal ilyud'mi [The story of animals that became people] // *Vorobei*. 1923. № 2. S. 26-33.
7. Fede A. (1925) Murzilkiny pokhozhdeniya [Vaska 's idea] // *Murzilka*. 1925. № 7. S. 20-21.
8. Gilyarovskii V.A. (1989) Moi skitaniya. [My wanderings] // *Soch. v 4-kh tomakh*. T.1. M., 1989.
9. Gor'kii M. (1982) Po Soyuzu Sovetov. [By the Union of Soviets] // *Soyuz nerushimyi: Imenem revolyutsii*. M., 1982.
10. I my – v Kitae (1925) [And we are in China] // *Murzilka*. 1925. № 7. S.18-19.
11. Interv'yu s V.G.I. (97 let, zhitel' Chelyabinska). Chelyabinsk, sentyabr', 2021, dlitel'nost' 40 min., audiozapis' v archive avtora. [Interview with V.G.I. (97 years old, resident of Chelyabinsk). Chelyabinsk, September 2021, duration 40 min., audio recording in the author's archive].
12. Khazin E. (1931) Neft'. [Oil]. M., 1931.
13. Kozhevnikov A.V. (1925) Ei, skazka, na pionerskii sud. [Hey, fairy tale, to the pioneer court]. Moscow, 1925.
14. Krupskaya N.K. (1928) O «Krokodile» Chukovskogo [About Chukovsky's "Crocodile"]. // *Pravda*. 1928, 1 fevralya.
15. Mamin-Sibiryak D.N. (1988) Postoiko. In *Izbran. proizv. v 2-kh tomakh*. T.2. M., 1988.
16. Maslinskaya S.G. (2017) Neutomimyi borets so skazkoi (kritika detskoj literatury v trudakh N.Krupskoi) [The indefatigable fighter with a fairy tale (criticism of children's literature in the works of N.Krupskaya)]. // *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. 2017. № 1. S. 172-185.
17. Minlos N. (1925) Gruzovik [Lorry]. // *Murzilka*. 1925. № 8. S. 15-16.
18. Oktyabr'skaya O.S. (2016) Formirovanie i razvitiye zhanrovoi sistemy v russkoi detskoj proze 1920-50-kh godov. [Formation and development of the genre system in Russian children's prose of the 1920s-50s]. M., 2016.
19. Perovskaya O.V. (1933) Kak i dlya chego ya pisala knigu «Rebyata i zveryata» [How and why I wrote the book "Children and Animals"]. // *Detskaya literatura*. 1935. №. 10. S. 23-26.
20. Perovskaya O.V. Rebyata i zveryata. [Children and Animals]. URL: https://mir-knig.com/read_176335-1 (accessed: 15.09.2022).
21. Postanovlenie prezidiuma Kollegii NKP «Zayavlenie Glavlita po povodu vstrechayushchikhsya protivorechii v otsenke detskoj literatury so storony komissii po knige pri Glavsotsvose i detkomissii pri GUSE, v chastnosti v otnoshenii skazok «Kurochka Ryaba» i «Belochka». 1927, 22 fev. [Resolution of the Presidium of the Board of the NCP "Statement of the Glavlit concerning the contradictions encountered in the evaluation of children's literature by the book commission at Glavsotsvos and the Children's Commission at GUS, in particular with regard to the fairy tales "Ryaba Chicken" and "Squirrel". 1927, 22 Feb.]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kollegii-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechajushchikhsya-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom> (accessed: 10.09.2022).
22. Shklovskii V. (1930) Turksib [Turkestan Siberian Railway]. M., 1930.
23. Van'kiny strakhi (1927) [Vanka's fears] // *Murzilka*. 1927. № 4. S. 22-23.
24. Vas'kina zateya (1925) [Vaska 's idea] // *Murzilka*. 1925. № 4. S. 8-9.
25. Vospitateli meshchanstva (1929) [Educators of philistinism] // *Literaturnaya gazeta*. 1929. 19 avgusta.
26. Zhelobovskii I. (1929) Napishite pro sotsializm [Write about socialism] // *Literaturnaya gazeta*. 1929. 19 avgusta.
27. Zilov L. (1927) Katina kashka [Katrin's porridge] // *Murzilka*. 1927. № 4. S. 8-9.

Об авторе

Вырупаева Анна Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Международного Института Дизайна и Сервиса, Челябинск, E-mail: annavyrupaeva@yandex.ru

Vyrupaeva Anna Pavlovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the International Institute of Design and Service, Chelyabinsk, E-mail: annavyrupaeva@yandex.ru